

В.П. Пугачев*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ И СВОБОДА ЛИЧНОСТИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье анализируется процесс расширения государственного контроля в современном обществе, особенно усилившийся в период пандемии. Уточняются понятия государственного и политического контроля, обоснована недостаточность научной разработанности проблематики трансформации государственного контроля в цифровом обществе, реальных и возможных негативных последствий государственной регламентации и контроля частной жизни, поведения и сознания людей для свободы личности и демократического общественного устройства. Выявлены и проанализированы две основные группы причин расширения государственного контроля в цифровом обществе и его методов: научно-технические и социальные. Показано, что доминирование в государственной политике интересов властвующей элиты побуждает ее использовать расширение государственного контроля не только для повышения эффективности управления обществом, но, прежде всего, в целях неототалитарной трансформации системы управления и общества в целом. На примере США и других государств представлены конкретные формы растущей регламентации и контроля частной жизни, поведения и сознания людей. Выявлен общий механизм разрушительного воздействия тотального контроля на общество и личность, которое чревато устранением гражданского общества, свободы и демократии и в перспективе при последовательном осуществлении может привести к антропологической дегенерации самого человеческого рода, человека как разумного обладающего свободой мышления и воли существа. На основе проведенного анализа сделаны выводы и рекомендации по оптимизации и демократизации процесса трансформации государственного контроля в цифровом обществе.

Ключевые слова: контроль, государственный контроль, тоталитаризм, свобода, демократия, властвующая элита, антропологическая дегенерация.

The article analyzes the process of expanding of state control in a modern society, especially intensified at the period of COVID pandemic. The concepts of state and political control are specified, the insufficient scientific development of the problems of transformation of state control in a digital society is declared, the real and possible negative consequences of state regulation and control of private

* Пугачев Василий Павлович — доктор филос. наук, профессор, заведующий кафедрой управления персоналом Факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: VPugachev@spa.msu.ru. SPIN-код РИНЦ: 2537-0536.

life, behavior and consciousness of people for personal freedom and democratic social structure are discussed. Two main groups of reasons for the expansion of state control in a digital society and its methods are identified and analyzed: the scientific and technical and social ones. It is shown that the dominance of the interests of the ruling elite in a state policy encourages it to use the expansion of state control not only for increasing the efficiency of public administration, but first of all for the purpose of neo-totalitarian transformation of the management system and society on the whole. By means of the examples of the United States and the other states, the specific forms of growing regulation and control of people's privacy, behavior and consciousness are revealed. The general mechanism of the destructive impact of total control on society and the individual is demonstrated. It is shown that this impact leads to elimination of civil society, freedom and democracy and in the future, if consistently implemented, may cause anthropological degeneration of the human race itself, a person as a rational being with freedom of thought and will. The conducted analysis results in conclusions and recommendations on optimization and democratization of the process of transformation of state control in the digital society.

Key words: control, state control, totalitarianism, freedom, democracy, the ruling elite, anthropological degeneration.

Каждый новый этап в развитии общества предъявляет более высокие требования к государственному управлению и открывает для него невиданные ранее возможности. Это в полной мере относится к цифровому обществу, императивы которого все глубже преобразуют современный мир и в том числе управленческую деятельность.

Качественные изменения охватывают все функции социального управления: планирование, определение целей, задач и основных мероприятий, организацию, мотивацию, координацию, регулирование и контроль. Все эти функции неразрывно взаимосвязаны, во многом пересекаются в практической управленческой работе, имеют для нее конституирующую значимость — эффективное и устойчивое управление невозможно без любой из них. Однако не все они в одинаковой степени непосредственно влияют на общество и отдельных людей, на их жизнь и свободу.

Наиболее существенное влияние оказывают цели управления (их анализ не является целью настоящей статьи), а также контроль за управляемыми, который обеспечивает обратные связи, поставляет сведения, необходимые для принятия управленческих решений.

Сам термин «контроль» (в данной статье речь идет лишь о социальном контроле, контроле людей за людьми) используется чрезвычайно широко и часто неоднозначно. В настоящей статье термин «контроль» понимается преимущественно в своем наиболее рас-

пространенном, **широком значении** — как проверка соответствия поведения людей целям, принятым решениям, законам, нормам, **требованиям, заданным параметрам вообще**. В то же время этот термин имеет более **узкое значение**, трактуется как основанная на полученной информации и корректирующих действиях способность удерживать организацию (любой объект, процесс, систему, ситуацию) в заданных параметрах, угодных управляющим (в этом значении говорят, например, о способности руководства контролировать положение в организации, ситуацию в стране и т.п.).

Основой, направляющим стержнем социального контроля в обществе является государственный контроль. Он опирается на верховенство (суверенитет) государственной власти, распространяется на всех граждан и обеспечивает управление всей социальной системой. Государственный контроль одновременно является и **политическим контролем**, поскольку государство — центр политической власти. Эти понятия — «государственный контроль» и «политический контроль» — тесно взаимосвязаны и во многом совпадают. Однако они имеют и свою специфику.

Политический контроль соотносим со всей политической системой, всей системой власти, представляющей и защищающей определенный тип социального господства (это понятие более подробно будет рассмотрено ниже), интересы властвующей элиты, формирующих ее классов и других социальных групп.

Политический контроль характеризует отношения власти и граждан. Его осуществляет не только государство, но и другие институты политической власти, прежде всего, СМИ и различного рода лоббистские организации.

В последние десятилетия в мире появились новые глобальные центры политической власти в лице транснациональных корпораций и в первую очередь цифровых гигантов. Они контролируют мировое потоки информации, обладают обширнейшими данными практически о каждом социально активном человеке и во все большей степени контролируют и само государство, его политику в том числе в области контроля за гражданами. Нередко они уже открыто нарушают существующие законы и проводят через государственную власть свою политику, как это было, например, в случае блокирования в интернете доступа к своим сторонникам и общественности еще находившегося в должности президента США Д. Трампа и его ближайших помощников в 2021 г.

Несмотря на важнейшее значение политического контроля в современном обществе, центром социального контроля и главным

проводником политического контроля в том числе в его воздействии на права и свободы граждан является государственный контроль.

Процесс бурного роста и трансформации различных форм контроля в цифровом обществе находит поликурсное отражение в современной общественной науке. В наши дни поистине огромное количество работ посвящено использованию достижений в области искусственного интеллекта, информационных технологий, компьютерных программ, видеоаппаратуры, систем слежения и других средств наблюдения за людьми. Большое внимание уделяется защите персональных данных, получаемых государственными и коммерческими организациями¹. Ряд авторов анализирует в общей форме тоталитарную направленность расширения цифрового контроля в современном обществе².

При этом, несмотря на широкий спектр исследований по проблемам социального вообще и государственного контроля в частности в цифровом обществе, остаются в тени и детально не рассматриваются вопросы о характере трансформаций государственного контроля, определении его приемлемых границ, опасности расширения государственной регламентации частной жизни людей, опирающейся на возможности цифрового контроля, для свободы личности, существования самого рода человеческого (*Homo sapiens*), человека как разумного обладающего свободой мышления и воли существа.

Нерешенностью этих крайне важных для настоящего и будущего человечества вопросов обусловлена **цель данной статьи** — определение социальных и антропологических (связанные с изменением самого рода человеческого) последствий тотального расширения государственного контроля, его распространения на важнейшие, конституирующие сегменты гражданского общества, на сознание, личную жизнь граждан, разработка рекомендаций по оптимизации

¹ См., например: *Смирнова Е.Н.* Обеспечение соблюдения прав и свобод личности при осуществлении органами исполнительной власти цифрового контроля // *NB: Административное право и практика администрирования.* 2021. № 3. С. 37–45; *Чернова Э.Р.* Теоретико-правовые основы защиты персональных данных в Российской Федерации // *Право: ретроспектива и перспектива.* 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-pravovye-osnovy-zaschity-personalnyh-dannyh-v-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 23.01.2022); *Савинцева М.И.* Конституционно-правовые основы защиты персональной информации в Японии // *Конституционное и муниципальное право.* 2006. № 9. С. 39–43.

² Schlieter K. Der digitale Totalitarismus. Taz-Debattenserie Digitalisierung. URL: <https://taz.de/taz-Debattenserie-Digitalisierung/!5367252/> (дата обращения: 23.01.2022); *Четверикова О.* Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России. М.: Книжный Мир, 2019.

государственного и политического контроля, защите свободы личности и демократического общественного устройства.

Расширение областей и эффективности государственного контроля является общей тенденцией развития человечества в последние десятилетия, особенно ярко проявляющейся в период «четвертой промышленной революции»³. В научной литературе даются неоднозначные, часто прямо противоположные оценки этого процесса. Многие авторы (и солидарные с ними политики) видят в расширении государственного контроля требование и даже общую закономерность прогрессивного развития человеческой цивилизации, проявление необходимого для этого роста организованности и управляемости.

Обоснование необходимости и полезности роста социального, в том числе государственного контроля наиболее ярко представлено в идеологии прогрессизма. Это достаточно популярное сегодня на Западе, да и в мире в целом идейное течение представляет собой конгломерат идей, утверждающих, что достижения в области науки и техники, искусственного интеллекта, информационных и социальных технологий, экономического развития и т.п. для своей реализации и улучшения жизни людей требуют расширения сферы государственной организации, регулирования и контроля.

Другая группа ученых, журналистов, общественных и политических деятелей трактует нарастание в обществе государственного регулирования и цифрового контроля как свидетельство роста авторитаризма и тоталитаризма, как процесс формирования новой формы тоталитаризма, «цифрового тоталитаризма»⁴, цифрового рабства⁵.

Научно обоснованная оценка социальных последствий роста государственного контроля, целесообразности и границ его расширения, а также нахождение путей устранения связанных с этим угроз для общества и отдельных людей возможны только при выявлении социальных причин этого феномена, детерминант, определяющих соответствующую государственную политику и отношение к ней граждан.

³ Понятие «четвертая промышленная революция» впервые введено в научный и политический оборот основателем и бессменным президентом Всемирного экономического форума в Давосе *Клаусом Швабом* в его книге «Четвертая промышленная революция. М.: «Эксмо», 2016. Сегодня оно получило широкое распространение.

⁴ *Четверикова О.* Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России. М.: Книжный Мир, 2019.

⁵ Печать антихриста и рабство. Патриарх Кирилл о цифровизации. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nr6w7TXyZGg> (дата обращения: 25.10.2021).

Руководствуясь теорией социальной детерминации, можно выделить **две основные группы причин и их движителей** — факторов расширения государственного контроля в цифровом обществе и трансформации его методов: **научно-технические** (уровень развития науки и техники, технологий) и **социальные** (тип социально-экономического и политического устройства, соотношение интересов важнейших общественных групп, уровень социального неравенства, его осознания и характер его оценки, величина конфликтного потенциала общества, острота социальных конфликтов и т.п.).

Научно-техническая детерминация роста масштабов, форм и методов контроля проявляется в расширении его возможностей. Интенсивно развертывающаяся в мире цифровая революция, открытия в области поведенческих наук, мобильного интернета, искусственного интеллекта, миниатюрных производственных устройств, нано-, био- и нейротехнологий создают немыслимые ранее возможности для контроля не только поведения людей, но и их сознания, мышления, в том числе с помощью чипирования⁶.

Применение такого рода достижений в области контроля способно существенно повысить эффективность не только самого контроля, но и управления в целом в соответствующих областях деятельности. Не вызывает сомнения целесообразность цифрового контроля (конечно, в рамках закона и в определенных пределах) и в борьбе с антиобщественными явлениями: преступностью, терроризмом, экстремизмом и т.п. И все же насколько полезно усиление государственного контроля за гражданами и не таит ли оно в себе угрозу для свободы граждан и общества?

В США и многих других странах — не только на Западе, но и на Востоке — среди политиков, высших чиновников и близких к ним ученых преобладает мнение, что сам контроль как проверка соответствия поведения людей принятым решениям ценностно нейтрален и его расширение, осуществляемое в рамках закона и

⁶ К примеру, американская компания «Neuralink» разрабатывает чип, способный считывать мысли человека. Ее руководитель Илон Маск публично объявил, что надеется уже в 2022 г. приступить к испытаниям на людях, но пока ждет разрешения властей. В КНР уже сегодня в некоторых школах учеников принуждают носить браслеты, показывающие их местоположение, сердцебиение и передающие ряд других данных, позволяющий определить эмоциональную реакцию человека — объекта контроля на различную информацию. (Таиров Р. Создающая чип для мозга компания Маска начала поиски руководителя испытаний на людях. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/453133-sozdausaa-cip-dla-mozga-kompania-maski-nacala-poiski-rukovoditela-ispytaniy-na-ludah> (дата обращения: 03.02.2022).

для благих целей, не представляет опасности для демократического общественного устройства и свободы личности и даже необходимо.

С этим можно было бы согласиться, если не учитывать **характер принимаемых законов, интересы каких групп реализуются в них, а также при осуществлении контрольных функций и использовании полученной информации, не принимать во внимание реальный механизм осуществления контроля в обществе (кто, как, с помощью каких методов и инструментов, кого, по каким вопросам контролирует), какова вероятность ошибок и их цена, какие санкции предусмотрены к нарушителям, каковы могут быть социальные, в том числе антропологические последствия чрезмерного расширения контроля?**

Опыт истории однозначно свидетельствует, что масштабы, характер и последствия использования государственного контроля в решающей степени зависят от социальных факторов и прежде всего, от типа социального господства, интересов властвующей элиты и их соотношения с интересами остальных граждан.

В последние десятилетия в странах Запада, да и в России категории «властвующая элита», «социальное господство» (равно как и такие, казалось бы, общепризнанные, научные понятия, как «эксплуатация», «государственно-монополистический капитализм», «классовая борьба» и т.п.) почти пропали не только из политического, но и из научного лексикона. Однако их использование необходимо для понимания глубоких политических, экономических и социальных трансформаций. Оно в частности помогает определить причины, объяснить и предвидеть социальные последствия резкого расширения государственного контроля в странах Запада и в России.

Понятие «властвующая элита» ввел в научный оборот известный американский социолог профессор Ч.Р. Миллс. Используя данные социологических исследований, он достаточно убедительно показал, что США управляют не многие плюралистические, относительно самостоятельные группы, а одна властвующая элита, состоящая «из людей, занимающих такие позиции, которые дают им возможности возвыситься над средой обыкновенных людей и принимать решения, имеющие крупные последствия... Это обусловлено тем, что они командуют важнейшими иерархическими институтами и организациями современного общества... Они занимают в социальной системе стратегические командные пункты, в которых сосредоточены действенные средства, обеспечивающие власть, богатство и известность, которыми они пользуются»⁷.

⁷ Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959. С. 24.

Во властвующую элиту входят представители политической — правящей и оппозиционной (из системной оппозиции), финансово-экономической, интеллектуальной и других элит, заинтересованных в сохранении, укреплении (или модификации) определенного типа общества и соответствующего типа социального господства.

Что же касается категории социального господства, то это — отнюдь не специфически марксистская категория, а одно из важнейших социологических понятий. Как пишут авторы известного немецкого словаря по проблемам государства и политики, «Господство, как это признают все, — основополагающая категория общественной теории, центральное понятие политической социологии»⁸. В современном понимании, восходящем к классику социологии М. Веберу, социальное господство трактуется как устойчивое, структурированное, закрепленное в общественной организации неравенство различных общественных групп в обладании общественными ресурсами: властью, богатством, престижем и т.д.

Социальное господство может быть жестким — при явном доминировании одной социальной группы в обладании важнейшими ресурсами, высоком уровне социального неравенства и конфликтного потенциала — и мягким, размытым, предполагающим низкий уровень и декомпозицию неравенства в обладании ресурсами, относительно низкий конфликтный потенциал и доминирующие в массовом сознании интегрирующие общество ценности, как это обычно имеет место в социальных государствах (например, Швеции, Норвегии, ФРГ, Сингапуре, Японии и др.). Сохранение и укрепление социального господства властвующей элиты и, прежде всего, ее верхушки в лице собственников транснациональных корпораций, финансовой олигархии, высшей бюрократии и политиков, ее привилегированного положения в исторически новых условиях информационного цифрового общества является **базисным, в конечном счете высшим интересом властвующей элиты** в условиях, когда для этого типа социального господства возникает угроза.

Именно интересы людей и, прежде всего, крупных общественных групп и всего общества (народа) являются непосредственным детерминантом трансформаций системы государственного управления и контроля. При этом следует учитывать как объективные интересы — способы представления, реализации и защиты потребностей и ценностей, так и субъективные — их более или менее адекватное отображение в сознании людей, мотивирующее их поведение.

⁸ Nohlen D. (Hrsg.) Wörterbuch Staat und Politik. Bonn, 1995. S. 251.

Конstellация, соотношение общественных интересов и, прежде всего, доминирующие в обществе интересы властвующей элиты питают и направляют процесс расширения государственного контроля в современном обществе. В конце XX — начале XXI в. для системы социального господства властвующей элиты США и их союзников возникли серьезные угрозы и одновременно появились новые возможности ее сохранения и укрепления с помощью неототалитарной трансформации общества, предполагающей резкое расширение государственного контроля за гражданами, их поведением и сознанием, все большее ограничение и, в конечном счете, устранение гражданского общества.

К такому варианту использования государственного контроля побуждает властвующую элиту действие следующих факторов⁹:

1. Крах командно-административного социализма в его советском варианте как реальной альтернативы капиталистической модели развития, ослабление левых сил в Европе и отчасти в мире, создающие возможность «исторического реванша» капитализма, отмены ограничений, введенных под влиянием социальных достижений командно-административного социализма, рабочего, социал-демократического и коммунистического движений.

2. Углубление кризиса капитализма в его неолиберальной форме, обострение его противоречий, устойчивый рост социального неравенства¹⁰, прежде всего, в таких странах, как Россия, Китай, США, Канада и Индия, падение мирового экономического, военно-политического и идейного влияния США как «витрины», «эталона» капитализма. В последние десятилетия США, по существу, утратили положение единственной сверхдержавы, которое они занимали после разрушения СССР. Эта страна все более явно проигрывает

⁹ Пугачев В.П. Глобалистский тоталитаризм: Социальные мутации цифрового капитализма: формирование человека и манипулятивные технологии управления. М.: ЛЕНАНД, 2022. С. 35–40.

¹⁰ Об обострении в самом ближайшем будущем социальных конфликтов в современном капиталистическом мире пишет в частности К. Шваб: «Мы должны немедленно запустить «Великую перезагрузку». Это насущная необходимость. Неспособность побороться с глубоко укоренившимися болезнями наших обществ и экономик упрочит риск того, что рецидив болезни повлечет за собой сильные потрясения, конфликты и даже революции. Наш долг — начать действовать. Пандемия дает нам этот шанс: это узкое «окно возможностей» для размышлений, решений и перезагрузки нашего мира». Он также предрекает резкий экономический спад и вполне вероятно самую сильную с 1930-х гг. экономическую депрессию, высказывая при этом аргументы в пользу по существу неототалитарного преобразования мира (Шваб К., Тьерри М. COVID-19: «Великая перезагрузка». URL: <https://ekniga.org/reader/254193/> (дата обращения: 02.02.2022)).

Китаю в экономическом соревновании. Экономическое положение США стабильно ухудшается. Страна все больше живет займы. Ее государственный долг непрерывно растет. По прогнозам Управления Конгресса США по бюджету, финансовое положение Америки к 2030 г. значительно ухудшится: дефицит бюджета достигнет 5,4% по сравнению со средним показателем 1,5% за последние 50 лет¹¹.

3. Резкое расширение научно-технических возможностей государственного и социального в целом контроля и стремление властвующих элит, особенно крупного транснационального капитала, с помощью государственного и политического контроля, в том числе контроля сознания, сохранить и упрочить свое социальное господство в условиях информационного общества и цифровой революции.

4. Усиление мощи и мирового влияния транснациональных корпораций, прежде всего, американских IT-гигантов (Google, Apple, Amazon, Facebook и др.), их политизация, уход из-под контроля национальных правительств и превращение в монополии, желающие управлять миром с помощью искусственного интеллекта и других новейших достижений науки, поставив под свой контроль народы и правительства.

5. Рост в процессе интенсивного развития цифровой революции и глобализации численности и влияния национальной и международной бюрократии, управленцев и интеллектуалов, увлеченных идеями тотального цифрового управления и стремящихся контролировать все и вся, не допуская к управлению остальных, «недостаточно компетентных» людей. Многие интеллектуалы, чиновники и политики воспринимают достижения цифровой революции как исторический шанс для реализации фантастических проектов создания управляемого просвещенными владельцами транснациональных корпораций и интеллектуалами-менеджерами общества, основанного на проектах рационально кибернетически организованного и управляемого единого глобального социума, состоящего из новой породы людей — «постчеловеков», а также каст человекоподобных роботов-андроидов, роботов-кибергов и т.п. (над этим в частности уже давно работают трансгуманисты, трансгендеристы и представители некоторых других направлений прогрессизма). Хотя в такого рода проектах много фантазии, утопии и т.п., для многих они выглядят привлекательно и уже используются

¹¹ Глазьев С.Ю. Чума XXI века: как избежать катастрофы и преодолеть кризис? М.: Книжный мир, 2020.

для оправдания мер по расширению государственной регламентации и контроля жизни людей, ограничению их свободы, изменений самого человека.

Идеи, представляющие этатизацию общества и расширение государственного контроля как действия, отвечающие требованиям прогресса, разумного устройства общества как социальное благо, не новы. Эти же идеи лежат в основе практически всех тоталитарных концепций и систем и служат оправданию тотального контроля власти над обществом. Фактически таким подходом руководствовались вдохновители и идеологи реальных предшествующих форм тоталитаризма как идеологии, движения и социальной системы. Как писал один из идейных вдохновителей национал-социализма В. Освальд, «Германия, стремится организовать Европу, которой до сих пор не хватает организованности: мы или, может быть, германская раса, первыми поняли важность организации... Мы уже достигли полной организованности»¹².

Вывод в пользу именно такого, по существу тоталитарного использования роста общественной организованности и государственного контроля сделал еще основатель итальянского фашизма Б. Муссолини: «мы первыми заявили, что чем сложнее становится цивилизация, тем более ограничивается свобода личности»¹³.

Во многом тоталитарные военно-коммунистические идеи В.И. Ленина, представляющие будущее коммунистическое общество как единую фабрику с рационально организованной, четко отлаженной работой всех «винтиков», также сформировались в результате его знакомства с немецкой идеями и концепциями, и в частности, с проектами резкого расширения государственного регулирования общества и создания «государства служащих» («Beamtestaat»).

Применительно к современному западному обществу рост его тоталитарной рациональности весьма ярко и убедительно раскрывает в своей концепции биополитики один из основателей постмодернизма известный философ и политолог Мишель Фуко. Биополитика, — писал он, — предполагающая тотальное административное управление всеми формами жизни, связанными с воспроизводством человека, путем полного наблюдения и вмешательства в жизнь людей, доходит до абсурда. Она превращает государство в «самого холодного из всех постылых монстров»,

¹² Цит. по: Хайек Ф.А. Дорога к рабству // Новый мир. 1991. № 8. С. 204–205.

¹³ Цит. по: Хайек Ф.А. Дорога к рабству. С. 197.

традиционно называемого полицейским государством, а само западное общество — в концлагерь¹⁴.

В наши дни в США и многих других странах мира бюрократическая рационализация различных сфер общества, государственное и иное регламентирование и регулирование жизни граждан, сбор о них самой разнообразной информации достигли немыслимых ранее масштабов, являются фундаментом, становым хребтом всего процесса тоталитарной трансформации общества.

В современном американском обществе, да и в большинстве других стран мира, ни один человек не может чувствовать себя защищенным от всепроникающего контроля спецслужб, компаний, производящих мобильные телефоны, телекоммуникационное оборудование, программы для сбора информации и управления ею, от интернет-провайдеров, налоговых и частных сыскных агентств и т.п. В случае надобности их информацию могут заполучить спецслужбы. Практически любой гражданин находится под колпаком системы разностороннего контроля, на крючке разного рода досье, с помощью которых при необходимости можно найти у человека «слабое место», какое-то прегрешение, запугать его, «успокоить», приструнить, скомпрометировать или даже посадить в тюрьму, если он представляет опасность для властей. В США уже давно существует так называемый «юридический (правовой) тоталитаризм», суть которого состоит во всеохватывающей правовой регламентации личных отношений граждан, предусматривающей уголовное наказание¹⁵. При этом правовой контроль заменяет этический контроль, право заменяет совесть и общественное мнение¹⁶.

В США существует целая серия законов, официально направленных на неприкосновенность частной жизни, применяя которые можно оштрафовать или даже посадить человека за решетку за приближение к нему ближе расстояния вытянутой руки (вторжение в интимное и личное пространство), за супружескую

¹⁴ Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 1. М.: Праксис, 2002. С. 379 и др.; Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: «Европа», 2011. С. 230–235.

¹⁵ См.: Толстик В.А. Правовой тоталитаризм: стратегия правотворчества или движение по инерции? // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 759–763.

¹⁶ Эту тенденцию либерализма подметил еще известный славянофил А. Аксаков: «на Западе, — писал он, души убивают, занимаясь усовершенствованием государственных форм, полицейским благоустройством; совесть заменяется законом, внутренние побуждения — регламентом, даже благотворительность превращается в механическое дело; на Западе вся забота о государственных формах». (Цит. по: Мыслители русского зарубежья. СПб., 1992. С. 72–73).

измену (в шестнадцати штатах), за письменное объяснение в любви и др.¹⁷

Для уголовного преследования совсем не обязательно наличие реальных фактов. Скомпрометировать политика или другого публичного человека, испортить ему карьеру или даже жизнь можно, например, уже из-за того, что он является мужчиной (реже — женщиной). Для этого, к примеру, достаточно подкупить несколько женщин, которые обвинили бы его в изнасиловании или лишь в сексуальном домогательстве, которое якобы имело место много лет назад¹⁸. Можно подослать подкупленную женщину и в лифт к неуголному политику, чтобы она инсценировала домогательство и записала свои крики и обнаженную грудь на скрытую видеокамеру.

Если же это сделать невозможно, то в качестве причины травмы в СМИ и (или) в социальных сетях, увольнения с работы и даже судебного преследования можно использовать обвинение в нарушении политкорректности¹⁹, в соответствии с которой, под благим предлогом толерантности, оскорбления человеческого достоинства, устранения всякой дискриминации различных общественных групп и т.п., людям запрещают использовать привычные, в принципе этически нейтральные термины, **приучают говорить и думать в рамках дозволенного, мыслить определенным образом.**

¹⁷ Как пишет проживший в США много лет мигрант из России журналист Йоэль Матвеев, «в США давно стало нормой сажать жен, мужей и любовников за приставание и изнасилование. К примеру, муж имеет полное право посадить жену за «изнасилование», если ему спать хотелось, а она к нему в постели пристала. После рюмки-другой оба любовника могут друг друга обвинить в изнасиловании. Известны при этом и противоположные потрясающие примеры. Один мужчина зашел в нью-йоркском парке в женский туалет. Его оттуда выгнали сторожа. В результате он выставил иск против муниципалитета, заявил в суде о своей гендерной идентификации с женщинами, безо всяких доказательств этой идентификации, и выиграл несколько миллионов!» // Матвеев, Йоэль. URL: https://avtonom.org/author_columns/neprikosновенnost-chastnoy-zhizin-v-ssha (дата обращения 15.10.2021).

¹⁸ Так, известный 67-летний кинопродюсер Харви Вайнштейн получил 23 года тюрьмы якобы за сексуальное домогательство и слабую форму сексуального насилия, в котором его обвинили (судя по их поведению, продажные) киноактрисы-карьеристки спустя десятилетия после этих якобы имевших место случаев.

¹⁹ Политкорректность, к примеру, требует исключения таких слов как: «глухой», «хромой», «бездомный», «инвалид», «негр», «пьяные», «бездомные» и т.п. Законодательные собрания 12 штатов, включая Калифорнию, приняли закон, квалифицирующий «грубость по отношению к скоропортящимся овощам и фруктам, а равно их деформацию и клевету на оных» как серьезное правонарушение, подлежащее судебному преследованию. (Безумие политкорректности США. URL: <https://www.pravda-tv.ru/2015/05/29/152052/bezumie-politkorrektnosti> (дата обращения: 03.02.2022)).

Эффективность такой пропаганды повышает реальная угроза потерять из-за «неуместных» высказываний работу и даже угодить на скамью подсудимых.

Хотя, по результатам исследований, большинство американцев и жителей стран Западной Европы не разделяет требования политкорректности, они систематически, на протяжении многих лет подвергаются соответствующему промыванию мозгов с целью контроля их сознания, программирования психики, формирования конформизма, привычки **самоконтроля и самодисциплинирования мышления с помощью дозволенных и внушенных им речевых конструкций, т.е. людей приучают не только действовать, но и мыслить лишь в рамках дозволенного.**

При этом используются достижения современной науки и в том числе нейролингвистического программирования, которое исходит из того, что, воздействуя на речь, можно сформировать определенные мыслительные, нейролингвистические программы, сквозь призму которых наш мозг (подобно компьютеру) воспринимает и оценивает поступающую информацию, реальность. Тем самым можно изменять способы мышления человека, его нейролингвистические карты и программы, определяющие его восприятие мира и практические действия²⁰.

С помощью политкорректности и других форм контроля за речью человека, осуществляется и контроль за его мышлением и поведением. **Вся огромная система тотального контроля, включающая также институты социализации: школы, университеты, масс-медиа и т.п., давит на человека, его сознание и в еще большей степени на подсознание (бессознательное), формирует угодные власти психические структуры восприятия мира и ценности — эталоны самоконтроля, дисциплинирующие его мышление и поведение**²¹. Хотя, конечно, эта система тоже не всесильна и периодически дает сбои. Однако властвующая элита повышает ее эффективность, используя новейшие цифровые технологии, достижения психологии и других наук.

Мощный импульс для оправдания и расширения систем государственного контроля за гражданами дала пандемия короновирусной инфекции (COVID-19) Как утверждает академик С.Ю. Глазьев, она разворачивается по сценарию «Lock Step», который был первоначально придуман олигархической семьей Рокфеллеров и

²⁰ Дилтс Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП. СПб.: Питер, 2002.

²¹ Пугачев В.П. Управление свободой. М.: URSS, 2018. С. 104–122.

более детально разработан в Фонде Рокфеллера еще в 2010 г. Согласно этому сценарию, под предлогом борьбы с эпидемией будет ужесточаться авторитарный правительственный контроль за всеми общественными процессами, за гражданами и ресурсами стран, граждан научат «ходить строем» и еще благодарить за это правительство, которое, якобы, спасло наши жизни. В итоге реализация этого сценария может привести к новому технологическому укладу, главным элементом которого станет создание глобальных систем управления на основе искусственного интеллекта, осуществляющих контроль не только за экономическими и социальными процессами, но и за каждым конкретным человеком²².

Конечно, необходимость усиления государственного контроля в период борьбы с пандемией не вызывает сомнения. Однако настораживает сценарное сходство этого процесса с указанным выше проектом, слепая ориентация многих правительств на глобалистские международные организации, насильственная вакцинация граждан, несмотря на ее сомнительную эффективность или даже доказанную бесполезность по отношению к новым разновидностям вируса, введение в ряде стран QR-кодов и специальных паспортов для «избранных» и наказание непокорных, а, главное, **ограничение необходимой для принятия взвешенных решений свободы слова для всех несогласных и даже преследование наиболее активных из них.**

Всеобъемлющий контроль над гражданами, в том числе и их личной жизнью, конечно же, осуществляется под благовидными предложениями: обеспечения личной свободы, защиты от насилия, дискриминации, борьбы с пандемией и т.п. Однако осуществляемая в соответствии с известными законами бюрократии чрезмерная правовая регламентация поведения людей и контроля за ними, недооценка роли нравственного сознания, возможностей семейной, коллективной и др. саморегуляции и самоорганизации сводят на нет общественную пользу такого контроля, открывают широкие возможности для его использования в политических целях, различного рода злоупотреблений со стороны чиновников и представителей властей в целом, а также со стороны инициаторов доносов и обращений: обиженных жен, мужей, детей, соседей, «доброжелателей», разного рода жуликов и т.п.

²² Еременко П. Чтобы строем ходили: Глазьев рассказал, кто стоит за пандемией коронавируса и зачем. URL: <https://e-news.su/mnenie-i-analitika/357559-chtoby-stroem-hodili-glazev-rasskazal-kto-stoit-za-pandemiyey-koronavirusa-i-zachem.html> (дата обращения: 10.01.2021).

На деле же власть получает дополнительные возможности правового, физического и психологического насилия, вмешательства в самые интимные сферы жизни человека. У него отнимается личное жизненное пространство, автономия, свобода мышления и действий, а для властей создается потенциал возможного запугивания и наказания неугодных за счет раскрытия нарушений запретов, разного рода реального или фейкового компромата.

Всеобъемлющая по своему охвату, всепроникающая государственная регламентация и контроль сегодня широко используются для повышения эффективности управления поведением граждан, ограничения их автономии и свободы не только на Западе, но и на Востоке. Одним из мировых лидеров в области государственного контроля за гражданами является Китай²³. В этой стране с 2014 г. осуществляется огромный по своим масштабам амбициозный социальный эксперимент с целью повышения эффективности управления обществом с помощью цифрового социального контроля за гражданами, вводится обширная система ранжирования людей на основе оценки их социально значимого поведения. Она призвана с помощью систематического определения рейтингов каждого из граждан, а также компаний Китая стимулировать общественно полезное поведение людей и наказывать поведение, наносящее вред обществу, используя целый комплекс личностно значимых вознаграждений и наказаний. Эта система предполагает осуществление непрерывного контроля, оценивания и регулирования финансового, политического, социального и морального поведения отдельных людей, а также коммерческих организаций.

В системе социального контроля в КНР при ее оценке с точки зрения интересов граждан и всей страны с ее почти полуторамиллиардным населением есть свои плюсы и минусы. Их рассмотрение не является целью настоящей работы и требует специального анализа. Хотя, очевидно, что тоталитарные тренды в развитии этой страны имеют место.

Введение системы тотального контроля, ее распространение на личную жизнь людей, сферу гражданского общества — независимо от того, в какой стране это происходит: США, Китае, Израиле, России или где-то еще — не может быть приемлемо для гуманного, под-

²³ Система социального рейтинга Китая — светлое будущее или диктатура // Новости. 19.12.2019. URL: <https://novosti.best/sistema-socialnogo-rejtinga-kitaya-svetloe-budushhee-ili-diktatura/>. См. также: Социальный рейтинг в Китае, т.н. система социального кредита — 社会信用体系. URL: <https://zen.yandex.ru/media/vsegda/socialnyi-reiting-v-kitae-tn-sistema-socialnogo-kredita-5fcfc677e7b06b04b514cc12>

линно демократического общества. Даже осуществляемое в самих благих целях чрезмерное расширение государственного контроля, его распространение на сознание людей в перспективе чревато для человека самыми негативными последствиями, представляет угрозу всему роду человеческому и при последовательном осуществлении может привести к его деградации, подобной той, которую в художественной форме изобразил еще Герберт Уэллс²⁴.

Механизм вполне возможной, **антропологической дегенерации** примерно таков. Тотальное распространение государственного контроля, в том числе на личную жизнь, социальные, политические и межличностные коммуникации, сферу сознания делает людей неспособными контролировать власть, да и не желающими этого, если их сознание эффективно формируется и контролируется, как это обрисовано в частности в известной тоталитарной антиутопии Олдоса Хаксли «О дивный новый мир». В ней изображено общество, состоящее из закрытых, генетически запрограммированных каст — от высших до низших: альфа, бета, дельта и т.д., выполняющих определенные различные по своей привлекательности функции и вполне довольными своей участью.

Нечто подобное может произойти и с современными людьми, вследствие наблюдающегося роста цифрового и иного неравенства и социальной деградации низших и средних классов, которым в неототалитарных проектах будущего отведена роль исполнителей наиболее непривлекательных, рутинных видов труда или же жалкое существование на социальных пособиях в роли безработных. Такие люди далеки от мира политики, не разбираются в ней и в своих желаниях не выходят за рамки сформированного для них потребительского идеала — социальные сети, телевизор, иллюзорные мечты о «красивой жизни», шоу, компьютерные игры, пиво, футбол, секс и автомобиль.

Наблюдающееся во многих странах мира ослабление контроля снизу все больше превращает демократические институты в инструмент политического манипулирования, формальной легитимации власти и сохранения социального господства верхушки властвующей элиты. Оно также способствует все большему отчуждению

²⁴ В своем фантастическом романе «Машина времени» (1895 г.) Герберт Уэллс рисует картину выросшего из капитализма общества, состоящего из двух деградировавших классов: элоев, эволюционировавших из буржуазии, и морлоков — наследников пролетариата, днем работающих в подземелье и обеспечивающих сибаритскую жизнь элоев, но ненавидящих их и ночью, выходящих на поверхность, чтобы пожирать элоев.

властвующей элиты от граждан, ее дегуманизации и нравственной деградации (в этой связи вспомним знаменитый афоризм лорда Д. Актона: «Всякая власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно»).

Дальнейшие последствия действия механизма антропологической дегенерации трудно предсказуемы и могут увести нас от научного анализа в сферу тоталитарных утопий и антиутопий.

В целом же все вышеизложенное позволяет сделать некоторые **выводы и рекомендации**, которые могут способствовать предотвращению государственного контроля в инструмент авторитарной и тоталитарной трансформации современного цифрового общества, антропологической дегенерации самого человечества.

Контроль как одна из основополагающих функций государственного управления оказывает важнейшее влияние на развитие общества и граждан. От его организации и практического осуществления прямо зависят как успешное развитие всего общества и благополучие граждан, так и многие социальные беды, в том числе гипертрофированный рост коррупции, ограничение демократии и свободы и даже в перспективе антропологическая дегенерация человечества.

В современной России вследствие резкого ослабления органов государственного и общественного контроля в постсоветский период и, как следствие, роста коррупции и преступности в целом, снижения качества продукции, монополизации многих отраслей экономики и т.п., **научно обоснованное дифференцированное усиление государственного контроля, учитывающее реальные потребности различных областей жизнедеятельности, имеет особенно важное значение.**

Однако не только у нас в стране, но и в еще большей степени в США, а также в других странах Запада, уже на протяжении многих десятилетий делается попытка использовать государственный контроль главным образом в интересах властвующей элиты и в первую очередь олигархического финансового капитала, транснациональных корпораций и высшей бюрократии для упрочения их социального господства, ограничения свободы граждан и постепенной неототалитарной трансформации общества.

Учитывая растущую реальную опасность распространения государственного контроля на сферу гражданского общества, личную жизнь граждан, области, обеспечивающие их автономию и свободу, а также возможные негативные антропологические последствия этого процесса, проблематика научной обоснованности правовой

регламентации частной жизни, расширения государственного и политического в целом контроля, механизмов его осуществления и возможностей различного рода злоупотреблений должна стать объектом самого пристального внимания ученых, политиков, широкой общественности.

Первостепенную роль в предотвращении использования государственного контроля как инструмента неототалитарной трансформации общества играет **контроль снизу** за самими контролерами: политиками и чиновниками, должностными лицами и государственными учреждениями со стороны граждан и представляющих их независимых, в том числе оппозиционных к правящей элите институтов.

Реализация этих и других рекомендаций и практических мер по использованию государственного контроля в интересах общества и граждан является одним из важнейших направлений общей борьбы за реальную демократизацию современного цифрового общества, за свободу и гуманизм. От успеха этой борьбы прямо зависит не только благополучие большинства граждан, но и выживание самого человечества как сообщества разумных, свободных и доброжелательных людей.

Литература

Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: «Европа», 2011. 256 с.

Глазьев С.Ю. Чума XXI века: как избежать катастрофы и преодолеть кризис? М.: Книжный мир, 2020. 288 с.

Дилтс Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП. СПб.: Питер, 2002. 354 с.

Миллс Р. Властвующая элита. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 543 с.

Мыслители русского зарубежья. СПб.: Наука, 1992. 461 с.

Пугачев В.П. Глобалистский тоталитаризм: Социальные мутации цифрового капитализма: формирование человека и манипулятивные технологии управления. М.: ЛЕНАНД, 2022. 226 с.

Пугачев В.П. Управление свободой. М.: URSS. 2018. 270 с.

Савинцева М.И. Конституционно-правовые основы защиты персональной информации в Японии // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 9. С. 39–43.

Смирнова Е.Н. Обеспечение соблюдения прав и свобод личности при осуществлении органами исполнительной власти цифрового контроля // NB: Административное право и практика администрирования. 2021. № 3. С. 37–45.

Таиров Р. Создающая чип для мозга компания Маска начала поиски руководителя испытаний на людях. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/453133-sozdausaa-cip-dla-mozga-kompania-maski-nacala-poiski-rukovoditela-ispytaniy-na-ludah>

Толстик В.А. Правовой тоталитаризм: стратегия правотворчества или движение по инерции? // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 759–763.

Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 1. М.: Праксис, 2002. 384 с.

Хайек Ф.А. Дорога к рабству // Новый мир. 1991. № 8. С. 195–206.

Чернова Э.Р. Теоретико-правовые основы защиты персональных данных в Российской Федерации // Право: ретроспектива и перспектива. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-pravovye-osnovy-zaschity-personalnyh-dannyh-v-rossiyskoj-federatsii>

Четверикова О. Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России. М.: Книжный Мир, 2019. 313 с.

Шваб К., Маллере Т. COVID-19: Великая перезагрузка. URL: <https://ekniga.org/reader/254193/>

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.

Nohlen D. (Hrsg.) Wörterbuch Staat und Politik. Bonn, 1995.

Schlieter K. Der digitale Totalitarismus. Taz-Debattenserie Digitalisierung. URL: <https://taz.de/taz-Debattenserie-Digitalisierung/!5367252/>